

ода включает все наиболее общие моменты американского освободительного движения и проецирует их на будущее России. В числе этапов революции исключительно важное место отведено в «Вольности» идеологу, который призван дать первотолчок революционному движению:

Но мститель, трепещи, грядет;
Он молвит, вольность прорекая,
И се молва от край до края,
Глася свободу, протечет.

(14)

Возникнет рать повсюду бранна <...> (I, 4, 5)

Эта же мысль присутствует и в «Житии Федора Васильевича Ушакова», и в «Путешествии». Слово идейного вождя революции, сказанное в благоприятный исторический момент, сопоставляется Радищевым со словом божьим.

Роль инициатора революционных событий в творчестве Радищева, значение идеолога именно в момент начала революции прослежены Ю. М. Лотманом¹⁹. Однако объяснение такой позиции Радищева исключительно спецификой просветительской идеологии не представляется нам убедительным. За образом инициатора, идейного вождя народной революции в сочинениях Радищева стоит и конкретный факт американского революционного движения — роль в нем автора «Здравого смысла».

Был ли образ идейного предводителя революции навеян только чтением Рейналя, а не изучением самого трактата «Здравый смысл»?

В этой связи обратим внимание на факт, до сих пор не нашедший себе объяснения: роль Франклина у Радищева совершенно несоразмерна действительным историческим заслугам американского общественного деятеля. Такой исключительной роли не отводил ему позднее ни один из деятелей русского революционного движения.

«Зиждитель», с выступления которого началась народная революция, идеолог, историческую роль которого в своем отечестве мечтал сыграть Радищев, — таким предстает Франклин в творчестве русского писателя.

В финале «Путешествия» ему отдает Радищев бесспорное первое место среди мужественных писателей, восстающих на «губительство и всеислие» (I, 391), к которым относит и себя. Именно Франклин удостоился «наилестнейшия надписи, которую человек низ изображения своего зреть может». «Надпись, начертанная не ласкательством, но истинною, дерзающею на силу: „Се изторгнувший гром с небеси, и скиптр из руки царей“» (I, 391). В надписи под портретом Франклина возникает несравненно более резкое, чем в оригинале, антимонархическое звучание: Радищев переводит «царей» вместо «тиранов».

Тот же образ, как мы полагаем, венчает собою и оду «Вольность». Народное восстание в России, как представляет его в оде Радищев, начнется с появления «зиждителя», который выступит против монархии словом. Финал оды предрекает его приход:

(54)

Мне слышится уж глас природы,
Начальный глас, глас божества;
Трясутся вечно мрака своды,
Се миг рожденью вещества.
Се медленно и в стройном чине
Грядет зиждитель наедине —
Рекл... яркий свет пустил свой луч,

¹⁹ Лотман Ю. М. Отражение этики и тактики революционной борьбы в русской литературе конца XVIII в. — «Уч. зап. Тартуского ун-та», 1965, вып. 167.